

Натаалья Гундарева – величина абсолютная

Культура-2006-2-15 марта-с. 14 Так считают ее коллеги по профессии

Нестандартность актерского дарования и внешнего облика – это то, что всегда привлекало и продолжает привлекать в Наталье Гундаревой ее многочисленные поклонников. Но, увы, всенародная любовь не только не уберегает от наглой назойливости тех, кто с легкостью делает деньги на чужой беде, а, напротив, еще больше привлекает охотников за сенсациями и скандалами. "Желтая пресса", а следом и телевидение даже после смерти не оставляют в покое актрису, с циничной беспардонностью копящая в ее личной жизни и присваивая себе роль обвинителей и судей. И все же хочется верить, что этот мутный поток вскоре схлынет, насытив обывательское любопытство и исчерпав сам себя. А в памяти навсегда останется то, что создателей подобных опусов и передач совершенно не интересует – уникальная творческая индивидуальность и неповторимая человеческая личность одной из самых нестандартных актрис нашего времени, существовавшей на сцене и экране вне рамок жанра и амплуа. Будут жить киногероини Натальи Гундаревой – такие узнаваемо простые и житейски мудрые. По преимуществу в статьях и театральных легендах сохранятся работы актрисы в спектаклях, к сожалению, практически не записанных на пленку. Но те, кому посчастливилось видеть ее Липочку в "Банкроте" и Люську в "Бере", Катерину Львовну в "Леди Макбет Мценского уезда" и Маргариту в "Жизни Клима Самгина", Мадам в "Агенте 00" и леди Фамилтон в "Виктории?"; Глафиру Фирсовну в "Жертве века" и Огневу в "Театральном романсе", вряд ли забудут этих героинь Гундаревой, которая с одинаковым блеском играла величественных аристократок и хитрых сводниц, властных красавиц и забавных простушек, отчаявшихся страдалец и бесшабашных озорниц. И конечно, останутся размышления и рассказы о Наталье Георгиевне тех, кто действительно знал ее в жизни и в совместной работе на сцене и съемочной площадке. Предлагаем вниманию читателей воспоминания коллег – партнеров актрисы, которые полностью будут опубликованы в сборнике "Натаалья Гундарева", готовящемся к печати в московском издательстве "Время".

Александр Лазарев: Она заслужила право быть собой

Наташа была невероятно емкой и интересной личностью. Правда, полностью она раскрывалась лишь среди дорогих и близких ей людей – своих домашних и некоторых коллег. Но, как любой талантливый человек, могла быть закрытой для тех, кто ей не интересен. Смею надеяться, что к нашей семье она была достаточно благожелательна и открыта. Мы со Светой могли спокойно что-то обсудить с Наташей, шутиливо одернуть друг друга или похвалить. Наверное, у нее были какие-то тайны, которые совсем необязательно знать посторонним людям, а может быть, как раз коллегам и совсем не следует знать. Тем не менее во многих своих проявлениях она была, на мой взгляд, достаточно открытым человеком. Наташа очень ценила тех, в ком чувствовала какую-то значимость, ей нравилось видеть вокруг себя людей одаренных, талантливых. Я наблюдал, как она как бы расцветала и представляла во всей своей женской красоте.

Наташа ведь была очень красивой женщиной. Притом что в жизни могла себе позволить быть такой, какая она есть, не пользоваться косметикой, не приукрашивать себя. Она заслужила это право быть собой. Как в свое время Людмила Павловна Сухаревская появлялась с коптуном на голове, но она имела на это право. Так и Наташа на какие-то вещи уже имела в жизни право. И потому в быту всегда была проста, достаточно скромна и демократична. При этом, конечно, нельзя сказать, что у нее был идеальный характер. Она могла запросто отшить кого-нибудь, если видела очевидное хамство, направленное против нее или ее товарищей. Тут уж ей под горячую руку лучше было не попадаться. Не всякий человек найдет в себе силы для такого ответа, а у Наташи были и силы, и убежденность, и, конечно, право – право поставить на место.

Она была крупной актрисой и ярким человеком. И Гончаров ее очень любил. По большому счету, он любил двух человек в театре – Гундареву и Джигарханяна. Может быть, даже и немного боялся, потому что это очень сильные личности. Наташа всегда была очень сильной, мощной личностью. Но Андрей Александрович, мне кажется, ее все-таки действительно любил, уважал, ставил на нее спектакли, которые становились их общими достижениями. А если еще вспомнить то, что по каким-то причинам не состоялся. К примеру, представить, как бы она могла сыграть на сцене Дублинского в "Человеке из Ламанчи", которую срочным вводом репетировала в Ростове-на-Дону. Увы, этого не произошло. А как могло бы быть интересно! Мы же все знаем ее темперамент, мощь, силу, ее удивительно богатый внутренний мир. Наташа была очень умной актрисой и очень деликатной при всей своей мощи. Хотя я думаю, что кому-то с ней было нелегко не только разговаривать или работать, но и вообще находиться рядом.

Вообще, может быть, это банально звучит, но в отсутствие Наташи очень трудно поверить. Мне все кажется, что я просто ее давно не видел. Я как будто кожей чувствую ее присутствие, словно она где-то рядом. И как сейчас вижу тот момент, когда мы с ней, надуркачившись, нахулиганившись – конечно, в рамках поставленных мизансцен и образов – в спектакле "Жертва века", радостно обнимаемся, уходя за кулисы со сцены. Мы действительно получали огромное удовольствие друг от друга в этих наших совместных эпизодах. Она была очень творческим человеком, и, конечно, ей, наверное, самой очень нравилось, когда что-то получалось, и от этого возникал еще больший кураж. Но в то же время Наташа, конечно, была достаточно строгой по отношению к себе и никогда не позволяла ничего лишнего. И если кто-то ей мешал, что-то от себя придумывал или хохмил, то подобного она категорически не принимала. Просто выжидала каленным железом, поскольку сама никогда не позволяла себе никаких отсыпаний.

Наташа ушла, будучи в силе, в расцвете. В то тяжелое лето, когда на нее столько всего навалилось: и беда с матерью, и история с МХАТом, и еще чудовищная жара, от которой даже за городом нельзя было спрятаться... И конечно, ее слабые сосуды всего этого не выдержали. Но в то же время в подобных ситуациях прослеживается какая-то страшная закономерность. Такие люди часто уходят рано, как будто что-то стораует у них внутри.

Светлана Немоляева: Незаменимых нет. Есть незабываемые

Я, пожалуй, не могу сказать, что мы с Наташей дружили, хотя относились друг к другу очень хорошо, сердечно и заинтересованно. И главное,

как мне кажется, с взаимным уважением. А когда в труппе кто-то ценит тебя, твои работы – это уже очень дорогого стоит. Так вот Наташа всегда уважительно относилась к моим работам и говорила об этом, что для меня было очень важно. И я тоже восхищалась ею, она это видела. Но когда Наташа пришла в театр, я уже работала здесь более десяти лет. И конечно, она для меня была девочкой. Помню, появилась такая малышка, пухленькая, хорошенькая – ну просто куколка абсолютный. Хотя сразу было понятно, что она очень талантливая. Впервые мы работали вместе в "Детях Ванюшина". Она вылетала на сцену, что-то кричала и сразу привлекала к себе внимание своим темпераментом...

И еще она меня просто удивляла своей ответственностью. В молодости, когда помимо театра так много разных увлечений, альбионистских романов, какая уж тут дисциплинированности? А Наташа с юных лет была очень обязательным человеком. Я не помню ни одного случая, чтобы она просто так, без какой-либо серьезной причины, куда-то не пришла или опоздала. Никогда! Всегда была как часы. Наташа могла отменять спектакли только потому, что смолodu была не очень здорова. Никто из нас этому не верил и не представлял себе, что такая крепкая, сочная, сильная и молодая женщина действительно болеет, говорит что-то про давление. И я, когда мы вместе играли, никак не могла себе этого представить, даже подшучивала над ней. Но вот, увы, оказалось, что все это действительно было правдой.

Хотя Наташа и сама старалась на все реагировать с юмором. А чувство юмора у нее было колоссальное! Она могла с ходу придумать массу смешных вещей. Озорница была невероятно! И конечно, Наташа была очень умна. Ведь человек ироничный, с юмором всегда умнее. Я не встречала людей, которые были бы ироничны и неумны. А Наташа была очень веселой, смешливой. И при этом обладала и некоторыми качествами дипломата – всегда понимала, что и где нужно сказать, как ответить. Хотя иногда бывала резка и могла высказать то, что считает нужным. Наташа была такой индивидуальностью, личностью, что могла себе это позволить. И у меня такое ощущение, что на нее никто никогда не обижался – ни обувщики, ни гримеры, ни костюмеры, – даже если Наташа их как следует припечтывала, поскольку понимали, что она это делает не из каприза и не потому, что у нее дурной характер, а оттого, что ее действительно что-то задело. Наташа любила, поэтому я не замечала, что у нее были с кем-то какие-то конфликты. Если же у кого-то возникала сложная ситуация, она умела и понять, и посочувствовать. Когда однажды подобное случилось со мной, Наташа была одной из первых, кто пришел меня успокоить и поддержать.

Я ее очень любила. Когда мы с ней встречались в работе или ехали на гастроли в одном купе, то обычно подолгу разговаривали. У нас было много общего в понимании того, чем является для нас театр. Ответственность и жертвенность, способность отдать всю себя сцене – это нам обеим было понятно. Наташа категорически не принимала несерьезного отношения к работе. Если она бурлит и у нее сердце разбивается, то почему кто-то может просто присутствовать или зевать? Она этого не понимала и не принимала совершенно. Никто не смел ей перечить. И также истою она любила жизнь в любом ее проявлении. Хотя, конечно, Наташа была сложным человеком, очень разным. Но такая личность не может быть идеальной. Такие люди всегда полны крайностей, тем и интересны. Театр, конечно, все равно остается, кто бы ни ушел, и кто-то другой, быть может, очень талантливый, займет освободившуюся нишу. Поэтому и говорится, что в театре незаменимых нет. Но в театре есть незабываемые!

Армен Джигарханян: Она задавала нам загадки

Для меня смерть Наташи это тот случай, когда, как говорят, "снаряды падают рядом". Что я бы хотел сказать о ней? Не знаю. Я сейчас совершенно иначе думаю и о жизни, и о театре. Говорить о том, что она любила или не любила, – не интересно. Потому что как сказал кто-то: "Интересно не то, что артист играет, а то, что он скрывает". То, что там есть и было, мы не знаем и никогда не узнаем. Не потому, что это тайна, а потому, что это другой мир, особенно мир такой актрисы. Такой невероятно интересной актрисы! Какой Наташа была в работе и какой была в жизни – абсолютно разные вещи. Но все это не имело никакого отношения к той невероятной эмоциональной информации, которую она давала залу. И я никогда не возьмусь судить об этом, потому что и о себе не смогу сейчас судить. Я сейчас думаю, напрямую связывая это с

Н. Гундарева

Галина Анисимова: Не понимала, что себя надо любить

С Наташей нас объединяет одна и та же завкаса Шкуинского училища, которое я оканчивала, конечно, значительно раньше. Педагоги учили студентов не просто профессиональным навыкам, а, я бы сказала, ремеслу. Сегодня это слово не в почете, что, по-моему, совершенно несправедливо. Ремесло – великая вещь! Именно из того, что актер изначально умеет, впоследствии от роли к роли, от спектакля к спектаклю нарабатывается его профессионализм. Наташа владела ремеслом в совершенстве и, конечно, была очень творческим человеком. И пожалуй, особенно важным в ней было то, что она никогда не унывала. По крайней мере, было ощущение, что у нее нет неприятностей, хотя они, конечно, были. На ее долю выпало очень много сложных и даже трагических моментов. Но она никогда не приносила этого в театр, и почти никто не знал, что с ней происходит. Она выходила и сразу, как магнитом, притягивала зрителей. В ней была такая сила – женская сила, которая ощущалась в любой роли.

Так происходило и в спектакле "Леди Макбет Мценского уезда", где нам довелось работать вместе. В ее Катерине Львовне соединилось столько многое: любвеобильность и бесшабашность, удал и красота. Она ведь была удивительно красивой женщиной – статной, роскошной. В самом ее облике таилась какая-то изюминка, неповторимая человеческая индивидуальность. Порой Наташа выглядела просто королевой. А ведь она из очень простой семьи. Но была в ней особая внутренняя культура и, при всей общительности, умение держать дистанцию. Но могла и руку помощи протянуть, и грудою встать на защиту профессии, не допуская разгильдяйства и сама всегда была в форме. Притом что могла накрыть стол, выпить, посмеяться, рассказать анекдот... Но сцена – это для нее было святое. Как и их творческий союз с Гончаровым.

А работать с ним было непросто. Для этого нужно было иметь терпение, волю и умение зажать в кулак свои эмоции. Такое не все выдерживали. Но Наташа терпела, и я не помню, чтобы она хоть раз повысила голос или как-то резко отозвалась о человеке, которого считала своим мастером и учителем. И что там говорить, Гончаров, безусловно, был ее режиссером. Он видел в ней свою актрису и строил на нее спектакли. Такие личности, как Наташа, рождаются крайне редко. Людей подобного масштаба очень мало, они появляются и, увы, очень быстро гаснут. А Наташу мы, конечно, всегда будем помнить. К сожалению, молодежь, которая сегодня приходит в театр, ее уже не видела. И спектакли даже не записаны на пленку – Гончаров не разрешал этого делать. А я думаю, ребята было бы любопытно увидеть ее игру. И вообще в театре нужен такой человек – уважаемый, яркий, на которого можно равняться и на которого интересно смотреть на сцене. Она во всем и везде была заразительна: в жизни, в театре, в кино. И в целом я считаю, что в творческом плане ей повезло, да и в человеческом тоже.

Наташа очень любила свой дом. Она сама все делала, готовила потрясающе. И вообще была мастерицей – мужчины любят таких женщин. Мне кажется, что в последнее время она очень дорожила своей семейной жизнью, очень дорожила мужем – Михаилом Филипповым. У них было интересное сочетание, и ей это много дало и в человеческом, и в профессиональном плане.

Наташа очень любила свой дом. Она сама все делала, готовила потрясающе. И вообще была мастерицей – мужчины любят таких женщин. Мне кажется, что в последнее время она очень дорожила своей семейной жизнью, очень дорожила мужем – Михаилом Филипповым. У них было интересное сочетание, и ей это много дало и в человеческом, и в профессиональном плане.

Александр Михайлов: Такие люди сгорают быстро

Натаалья Гундарева – актриса уникальная и в истории театра, и в истории кино. Мне кажется, что с ней даже средний артист мог играть хорошо, – так много собственной энергии она отдавала тому, с кем вместе работала. Ее загадку я и сейчас не мо-

гу понять. Поразительно, как она могла моментально включиться в диалог и тут же оживить его. Наташа была человеком с потрясающим чувством юмора. В ней соединялись мудрость и женственность, остроумие и удивительное обаяние. А Наташин дар перевоплощения был просто потрясающим: играла ли она баронессу или сельскую женщину – ей верили беспрекословно. Возможно, поэтому после таких фильмов, как "Однажды двадцать лет спустя", "Одиноким предоставляется общежитие" или "Хозяинка детского дома", зрители воспринимали ее как свою, забывая, что перед ними актриса. Да и везде, в любых кругах, она казалась своей.

Впервые мы встретились в одной из серий телевизионного фильма "Следствие ведут ЗнаТоКи", которая называлась "Ушел и не вернулся". И это было действительно глубокое потрясение от ее мощи – и актерской, и человеческой, от ее мастерства и обаяния. Мне очень хотелось вернуться к совместной работе с Наташей. Это, к счастью, и произошло в фильме "Белый снег России", где я играл знаменитого шахматиста Александра, а она – мою жену Надежду. Здесь у нас сложился уже настоящий дуэт, и ощущение от совместной игры было еще более сильным. И конечно, запомнилась наша общая работа в фильме "Одиноким предоставляется общежитие". Можно, наверное, по-разному относиться к этой картине, но мне кажется, что она очень добрая, человеческая и целомудренная. Я никогда не забуду наш финальный эпизод – объяснение в любви моего героя Виктора Петровича и Веры, которую играла Наташа. Эта сцена снималась как-то особенно трогательно. Затем у нас должна была состояться совместная работа в театре. Мы тоже очень интересно репетировали около месяца, но потом по объективным причинам я должен был уйти из спектакля, о чем до сих пор сожалею.

Как страшно сожалею и о том, что так и не смог приехать к ней в больницу. Я буду нести этот крест всю оставшуюся жизнь. Разумеется, Наташа помогала близкие люди и прежде всего ее замечательный муж – Михаил Филиппов, который был рядом до конца. И все равно надо было прийти, просто принести цветы. Но что-то все время удерживало, не хотелось ее беспокоить, быть может, даже травмировать. Все ждал, что вот-вот ей станет лучше... А тут вдруг такой удар, как гром среди ясного неба... Это не просто слова, это действительно так. Сейчас я молюсь за нее и всегда ставлю свечку за упокой ее души. Ужасно жаль, когда такие люди уходят. Но, очевидно, они просто слишком быстро сгорают, потому что так одержимо тратят себя.

Игорь Костоловский: Нарушающая серый фон

Сейчас, мне кажется, у многих есть такое ощущение, что с них все началось и ими все закончится. Наташа же могла оценить и чью-то чужую работу. Это редкость! Если ей не нравилось – значит не нравилось, а если нравилось – она подходила и говорила об этом. И главное – радовалась! Мы с ней вместе играли в "Бере", а поскольку я входил в спектакль вторым составом, то был далеко и не знал, что делать. Но на одном из спектаклей меня как будто прорвало, и я, видимо, неожиданно сыграл так, как было нужно. А Наташа потом все ходила и говорила: "Ну смотри, как ты это хорошо сказал, как ты хорошо это сделал!" – то есть всячески меня подбадривала и поддерживала. Еще мы как-то играли вместе в Израиле, куда нас – Наташу, Женю Симонову и меня – пригласили выступить в пьесе "Поэма эмигранта" вместе с местной труппой. И я помню, как перед выходом на сцену Наташе стало плохо. Она лежала в фойе, и о том, чтобы играть, казалось, не могло быть и речи. Врачи настаивали на том, чтобы забрать ее в больницу. Но в последний момент, когда уже решили отменить спектакль, Наташа вдруг поднялась и сказала: "Нет, я буду играть", – и вы-

шла на сцену. Когда она появилась в своем эпизоде, все, кто был тогда рядом, не могли поверить в то, что такое возможно – такое невероятное преображение, такое перевоплощение! Казалось, все, что она делала, уже делала не Наташа Гундарева, а кто-то помимо нее. Это была какая-то нечеловеческая воля. Острую, комедийную роль она играла настолько феерически, что зал просто ревел!

Но когда мы ушли за кулисы, она буквально рухнула. При этом настояла, чтобы ее отвезли не в больницу, а в гостиницу, и просила меня не звонить Мише, не говорить, что ей плохо, чтобы не волновать его. А потом, на следующий день, когда Наташа пришла в себя, мы отправились гулять. Шли вдоль берега, разговаривали. И вдруг она говорит: "Смотри, какое солнце, давай позагораем". Мы сели загорать. И на спектакль пришли красивые, Наташа была совсем как-то бурная, но совершенно счастливая. Вот такие перепады были свойственны ей в жизни: казалось, она буквально умирала и тут же вставала, опять шла и что-то делала. Причем – на полную катушку, с каким-то удивительным самоожжением. Отдача была просто фантастическая! В ней было то, перед чем я всегда преклонялся, – потрясающая самоотверженность. Она во всем шла до конца, даже если бывала не права. И еще Наташа была очень умна – умна житейски. Помимо того ей была присуща и абсолютно народная смекалка. При этом она еще и много читала, много знала, много видела. И, как человеку очень одаренному, Наташе вообще был свойственен удивительно художественный взгляд на все, что ее окружало. Она была поразительно живым человеком! Живым и отзывчивым. Когда у меня в жизни было достаточно тяжелых периодов, она мне очень сильно помогла и поддержала. Наташа вообще многим помогала, хотя кто-то ее, может быть, даже осуждал, когда она шла в депутаты. Но я думаю, что это происходило еще и от недореализованности. На актрису такого масштаба нужно было все время ставить спектакли, подбирать репертуар. Должна была бы работать фабрика, как в Голливуде работают на звезд, для которых пишут сценарии и снимают фильмы. Это нормально, потому что актеры такого уровня – национальное достояние.

При этом она была потрясающе требовательна к себе и ко всему, что касалось работы. Я помню, как она мне жаловалась, когда репетировала во МХАТе и не могла понять, почему меняется время репетиций, почему все происходит не вовремя. Она приходила, была готова, а там что-то не получалось, переносилось. Наташа так работать не привыкла. Она знала, что если у Гончарова репетиция, то ничего важнее нет. Весь текст у нее уже всегда готовый, записан в тетрадке. И так же было на съемочной площадке – та же необыкновенная требовательность. Конечно, она могла гулять, радоваться, праздновать, но если надо идти репетировать, то нет ничего важнее. Наташа вообще была очень предана театру Маяковского и Гончарову. А ему, я думаю, вообще никто по-настоящему и не был нужен, кроме Наташи Гундаревой и Армена Джигарханяна, потому что для него это были идеальные актеры, которые воплощали его идеи, актеры его уровня, его темперамента и масштаба мысли. Вообще, когда Гончарова не стало, у меня появилось ощущение, что что-то должно произойти, потому что порвалась некая пуповина. Может быть, еще потому, что мы с Наташей по знаку Зодиака оба Девы, в один год родились и в один год пришли в театр, я какие-то вещи просто интуитивно ощущал в ней. И все, что Гончаров вкладывал в нас, она восприняла и реализовала в полной мере. При этом была с ним всегда как ученица. Хотя творческий союз таких личностей не мог быть простым. Я помню, как они все время что-то выясняли. Он дико ревновал, когда она снималась в кино. Потом в последние его годы он не давал ей ролей, а Наташа, видимо, не понимала, что он уже не в состоянии что-то ей дать просто потому, что серьезно болен. И в итоге возникла такая абсолютно тупиковая ситуация. Наташа была настолько предана Гончарову, что даже не представляла себе ничего иного. Ее звали в другие театры, а она мне говорила: "Я не могу туда пойти, потому что не могу его предать".

И тут еще время так стремительно изменилось. Наташа пыталась как-то его ухватить. Но очень многого в нем не принимала – не принимала этих новых ценностей. Хотя она и участвовала в антрепризах, и снималась в сериалах, но нередко они уже не соответствовали ее уровню, ее масштабу. И Наташа не могла этого не понимать. В том, наверное, была ее трагедия. И еще множество других обстоятельств... Вообще очень обидно и грустно, что мы живем сегодня в такое время – время какой-то ускоренной пошлости, когда столь яркие личности, как Наташа, к сожалению, перестают быть неким ориентиром. Они не нужны, потому что разрушают общий серый фон. И я думаю, что трагедия Наташи в том, что она мучилась от этого. Не было по-настоящему высокого уровня драматургии. И конечно, того отношения, которое было к ней в период ее болезни, раньше никто не мог бы себе позволить. Мне больно и тяжело видеть, что такую актрису растрачивали в "желтой прессе", низвели до подобного уровня, не прощая ей ее одаренности. Не прощая того, что человек может быть не в стаде, иметь свой взгляд и выделяться на фоне посредственности. Во всем мире есть и бульварная пресса, и паразиты, но существуют и некие табу, за нарушение которых судят. Конечно, все это хамство и цинизм, этот беспредел и чудовищное бессердечие тоже в последнее время не могли не влиять на Наташу. Она не вписывалась в эту процветающую пошлость!

Публикацию подготовила
Марина ГАЕВСКАЯ
Фото ИТАР-ТАСС